

ОДЕССКІЯ НОВОСТИ

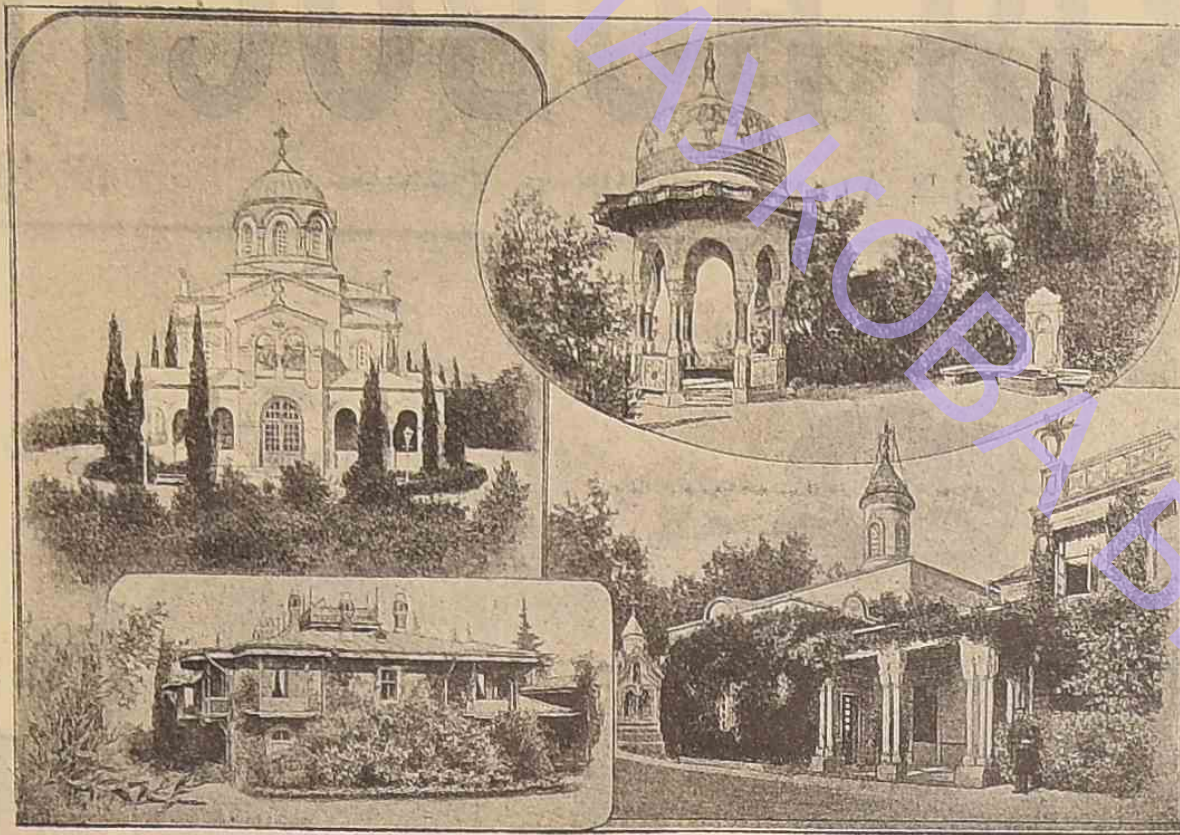
№ 4378.

Воскресенье, 23^е Августа, 1898 г.

№ 4378.

ИХЪ ИМПЕРАТОРСКІЯ ВЕЛИЧЕСТВА
ГОСУДАРЬ ИМПЕРАТОРЪ НИКОЛАЙ АЛЕКСАНДРОВИЧЪ ГОСУДАРИНЯ ИМПЕРАТРИЦА АЛЕКСАНДРА ФЕОДОРОВНА.

Церковь во имя Вознесения Господня. Турецкая бесѣдка въ паркѣ. Малай дворецъ со стороны парка. Церковь во имя Воздвиженія при Большомъ дворцѣ.

Виды Ливадіи.

ОБЛАВА.

(Съ французскаго).

Деревенька Оберивъ, гдѣ я жилъ довольно давно, хотя и составляетъ центръ кантона, но насчитываетъ всего 300 человекъ, живущихъ рядомъ; остальное же ея население разсыпано по фермамъ, расположеннымъ среди сосѣднихъ лѣсовъ. Тамъ ютятся не только фермеры съ ихъ семействами, но зачастую и рабочіе, занятые лѣсными промыслами и нанимающие помѣщенія въблизи своихъ заводовъ.

Въ то время въ хижинкѣ, пристроенной къ фермѣ Акеновъ, жилъ постоянный по имени Реми Флеріо, по ремеслу дровосѣкъ. Это былъ крѣпкій парень, 25 лѣтъ, коренастый, съ узкимъ лбомъ, со впалыми карими глазами, молчаливый, сосредоточенный въ себѣ и нѣсколько грустный, но честный малый и неутомимый работникъ. Онъ зналъ каждую тропинку въ лѣсу, и часто осенью я отыскивалъ грибныя мѣста съ помощью его опытности. Увѣряли, что онъ былъ страстно влюбленъ въ Катерину Питуазе, маленькую блондинку съ ласковымъ взглядомъ, дочь Акеновскаго фермера. Это не мало бѣсило его отца, вовсе не склоннаго выдать дочь за дровосѣка. Поощряла ли Катерина ухаживаніе Флеріо, обмѣнялись ли молодые люди обѣщаніями? Объ этомъ существовали только догадки. Флеріо не любилъ говорить о своихъ дѣлахъ, а Катерина, пассивное, лишенное собственной воли созданіе, при разспросахъ объ этомъ только пожимала плечами. Извѣстно было одно—что Питуазе вездѣ кричалъ, что скорѣе бросить дочь въ воду, чѣмъ отдастъ ее за батрака. Реми Флеріо,

когда ему переносили эти рѣчи, слушалъ ихъ съ помутившимся взоромъ, со стиснутымъ ртомъ, и если его выводили изъ терпѣнія, ворчалъ про себя:

— Коли она не достанется мнѣ, то никому не достанется!

Дѣло протянулось такимъ образомъ всю зиму. Въ одно апрѣльское утро пронеслась вѣсть, что Питуазе откопалъ себѣ зятя по вкусу, нѣкоего Майфера, зажиточнаго подрядчика лѣсопильныхъ работъ въ Анжурѣ. Въ базарный день, подъ вечеръ, онъ привезъ его въ своей повозкѣ въ Акеновъ, и сговоръ состоялся въ нѣсколько минутъ.

Когда товарищъ Флеріо лукаво разсказалъ про эту новость на лѣсномъ заводѣ, тотъ выслушалъ ее; не моргнувъ глазомъ, и продолжалъ выравнивать топоромъ только что срубленный буквый пенъ; потомъ онъ собралъ свои инструменты и ушелъ. На другой день онъ не явился, а на третій весь околотовъ былъ пораженъ трагическимъ происшествіемъ.

Наканунъ вечеромъ Флеріо пришелъ на ферму въ отсутствіе Питуазе и попросилъ Катерину на нѣсколько минутъ къ себѣ, чтобы поговорить съ нимъ. Она проводила его до порога. Реми сказалъ ей:

— Правда ли, что ты выходишь замужъ за Майфера?

— Отецъ такъ хочетъ.

— И ты покорилась?

— Что же я могу подѣлать!

— Ну, такъ не бывать же Майферу твоимъ мужемъ.

И, вытащивъ изъ кармана купленный въ Лангрѣ плохой пистолетъ, Флеріо въ упоръ выстрѣлилъ въ Катерину; она, обливаясь кровью, упала у дверей.

П. Мировой судья немедленно прибылъ въ Акеновъ, предупредивъ судъ и захвативъ съ собою жандармскаго бригадира. Но когда онъ вошелъ въ хижину Флеріо, тамъ было пусто; убійца уже исчезъ. Среди причитаній жительницъ фермы, Катерину, уложенную въ большую кровать въ комнатѣ для пріѣзжихъ, допросили. Рука влюбленнаго дрогнула; пуля только прошла сквозь щеку маленькой Питуазе, жизнь же ея не была въ опасности.

Цѣлую недѣлю полиція тщетно искала Флеріо по всей округѣ. Онъ оставался невидимымъ и неуловимымъ. Хотя примѣты его были разосланы всѣмъ бригадамъ сосѣднихъ департаментовъ, отовсюду получались отрицательные отвѣты, и стали уже предполагать, что ему удалось добраться до границы. Черезъ мѣсяцъ слѣдствіе было кончено и передано ассизному суду, который заочно приговорилъ Флеріо къ смерти.

Приговоръ былъ просто формальностью, и правосудіе понапрасну понесло издержки. Катерина, вполнѣ выздоровѣвшая, вышла за подрядчика, который увезъ ее въ Анжуръ, и о несчастномъ Флеріо всѣ забыли. Тѣмъ временемъ, съ наступленіемъ октября, начался сезонъ лѣсной охоты.

Въ ту пору Оберивскій лѣсъ былъ замѣчательно обильнѣе дичью. Тамъ водились олени и дикая коза, потому что большія дороги еще не прокладывались черезъ этотъ лѣсъ; кабаны кишѣли въ оврагахъ, ороемыхъ множествомъ ключей, къ великому огорченію фермеровъ, поля которыхъ они опустошали. За то по временамъ на нихъ устраивались облавы, въ которыхъ принимали участіе самыя опытные мѣстные охотники. На одну изъ нихъ былъ приглашенъ д-ръ Терна, мой единственный домохозяинъ, одинъ изъ лучшихъ стрѣлковъ всего кантона. Вслѣдствіе этого я въ тотъ день позавтракалъ одинъ и мирно курилъ въ своемъ кабинетѣ, какъ вдругъ дверь разомъ распахнулась, и докторъ вошелъ, весь запыхавшійся отъ бѣга, но блѣдный и разстроенный.

— Какъ!—закрикнулъ я, вы уже вернулись?

Онъ заперъ дверь на ключъ и, принявшись сушить передъ каминомъ свои загрязненные сапоги, отвѣчалъ съ таинственнымъ видомъ:

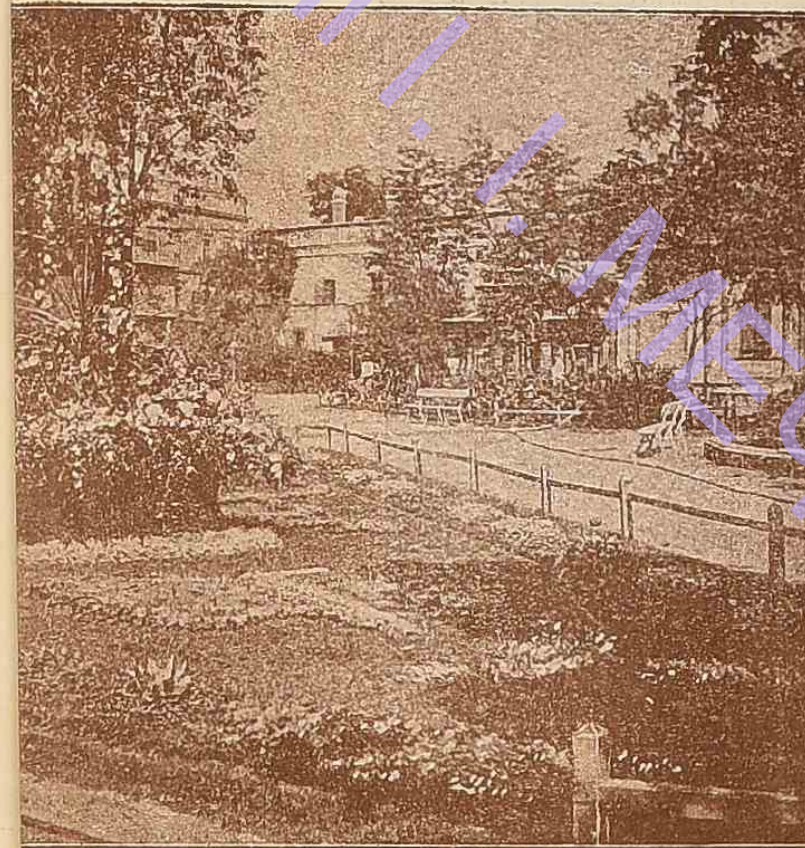
— Милѣйшій, со мной случилось приключеніе, которое отняло у меня всякое желаніе продолжать охоту. Вотъ въ чемъ дѣло. Составивъ цѣль и распредѣливъ собакъ, мы разсыпались вдоль оврага, идущаго отъ Шарбоньера до самаго Комбъ-о-Фонтенъ. Мнѣ выпала постъ какъ разъ на днѣ оврага; на опушкѣ болотистой чащи, невѣроятно тусклой; я стоялъ тамъ уже около часу, какъ послышался крикъ: вамъ стрѣлять! Въ то же время пальба раздалась со всѣхъ сторонъ, и лай нашей своры сталъ приближаться. Зарядивъ ружье, я ждалъ, крайне заинтересованный; звѣрь не показывался. Вдругъ налѣво отъ себя я услышалъ возню; трескъ сучьевъ, шлепанье по болоту, все, что,

Графъ Михаилъ Николаевичъ Муравьевъ, министръ иностранныхъ дѣлъ. (По повелѣ знаменательной ноты 12-го августа).

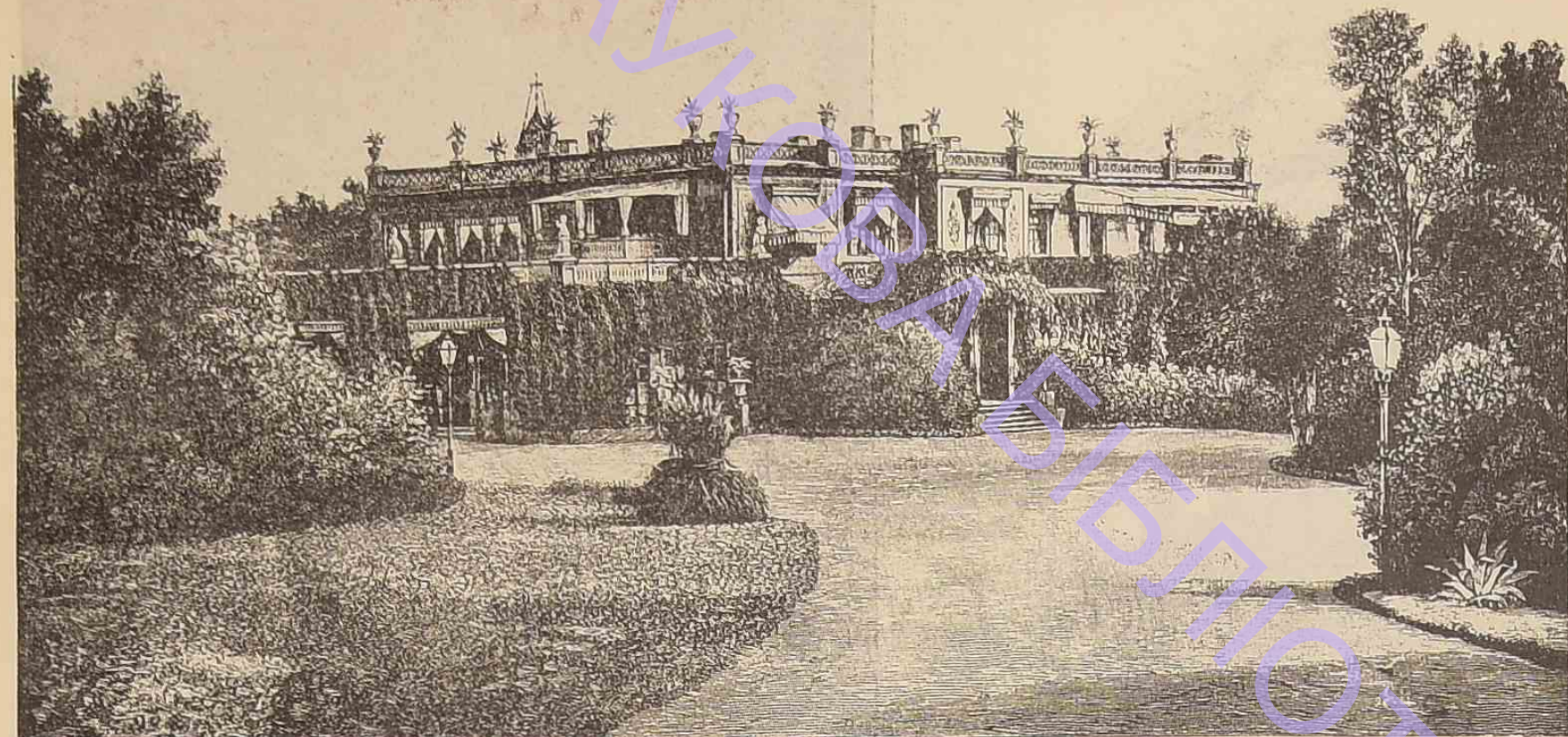
Памятникъ Императору Александру II въ Москвѣ.—Статуя Монарха, работы А. М. Опекушина.

На выставкѣ садоводства и плодоводства.

Ученики одесскихъ мореходныхъ классовъ на пароходѣ «Азовъ».

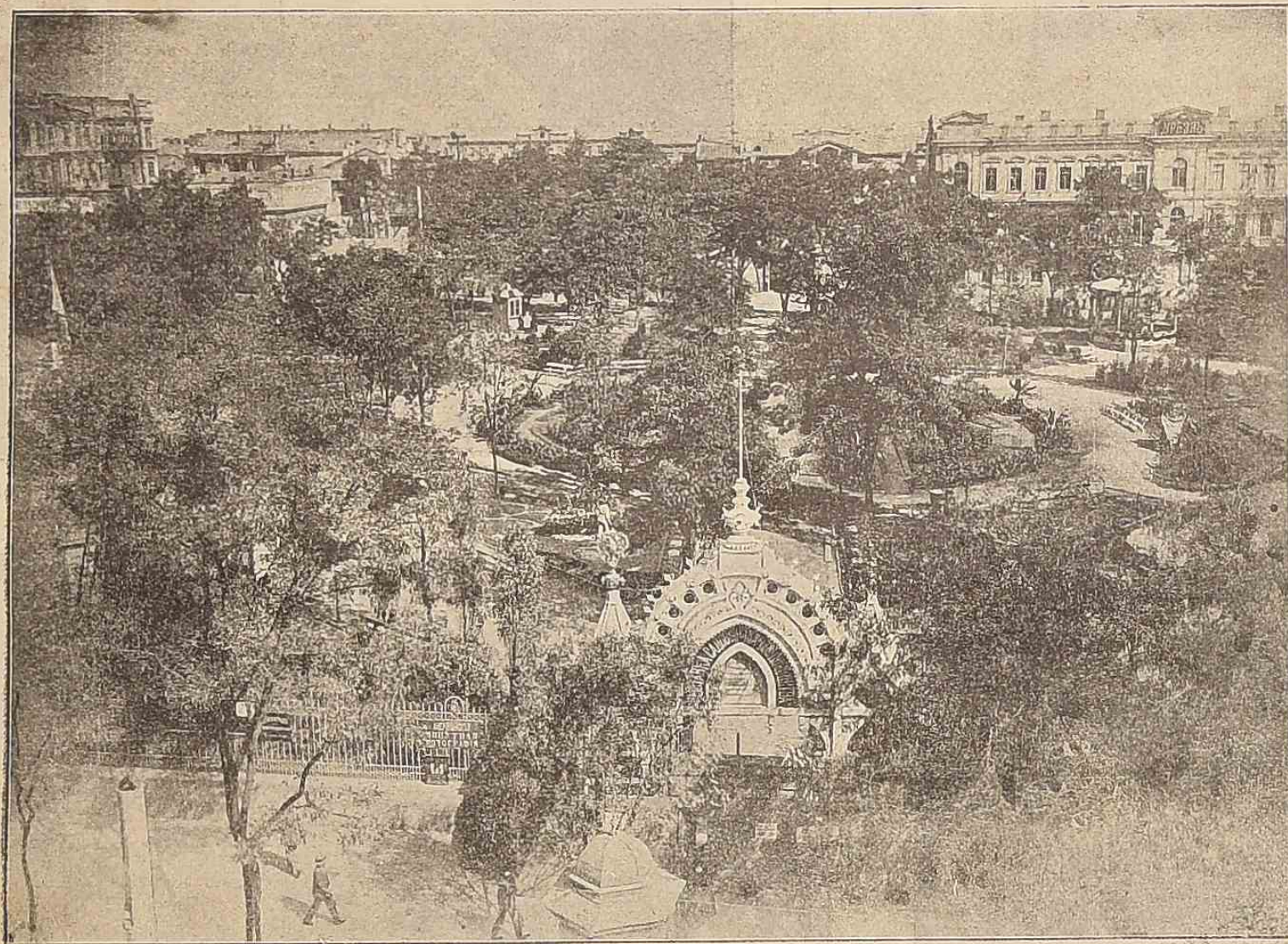
Дворецъ Его Императорскаго Величества въ Ливадіи.

Разныя разности.

Телефонъ у индѣйцевъ. Нѣмецкій путешественникъ Бахъ, совершившій поѣздку къ верховьямъ Амазонской рѣки, передаетъ подробности устройства прибора, съ помощью котораго индѣйцы сносятся между собою не только на близкихъ, но и

на дальнихъ разстояніяхъ. Они живутъ обыкновенно обществами въ 100, 200, а иногда и болѣе человекъ, въ тѣсно скученныхъ мазанкахъ, образующихъ поселки, отстоящіе другъ отъ друга на версту и болѣе. Эти поселки называются у нихъ „маллоками“, и въ каждой „маллоке“ обязательно имѣется инструментъ, носящій названіе „камбариза“ и состоящій изъ деревяннаго цилиндра, зары-

ваемого на половину высоты его въ песокъ, смѣшанный съ деревянными стружками, костями и кусочками слюды. Этотъ барабанъ обтянутъ сверху кожей, подъ которой во всю ширину паружнаго отверстия положены двѣ параллельныя одна надъ другой пластинки изъ дерева и каучука. Когда индѣйцы ударяютъ по такому барабану деревяннымъ молоткомъ, то производимыя удары

Общій видъ на Городской садъ.
Одесса.—Выставка садоводства и плодородства.

казалось, обличало присутствіе крупнаго загнаннаго звѣря, бросившагося въ чашу, ломая все на своемъ пути. Можно было побиться объ закладъ, что это шумѣлъ одинъ изъ нашихъ кабановъ. Не размышляя, я бросился въ топъ и въ свою очередь сталъ пробиваться сквозь колючки. Звѣрь не былъ еще виденъ, и я не могъ прицѣлиться; но мнѣ казалось, что я слышу, какъ онъ ворчитъ. Рѣшившись выстрѣлить на удачу, я готовился спустить курокъ, какъ вдругъ человѣческій голосъ, весь охрипшій, раздался изъ терновника:

— Ради Бога, докторъ Терна, не стрѣляйте!

Все сердце у меня перевернулось при мысли о моей близкой ужасной оплошности. Я подошелъ по направленію голоса и крикнулъ:

— Стойте! кто тамъ?

Я раздвинулъ вѣтви—и что-же увидѣлъ? Какого-то дикаря, въ лохмотьяхъ, босоногаго, простоволосаго, страшно растрепаннаго и обросшаго бородой. Онъ былъ одѣтъ въ звѣринныя шкуры, завязанныя у талии, и въ разорванные штаны. Весь дрожа и внѣ себя отъ волненія, человекъ этотъ прислонился къ дереву, съ блуждающимъ взоромъ, съ испуганнымъ видомъ несчастной заблудшей собаки.

— Вы меня не узнаете? прошепталъ онъ.—Это я... Флеріо... знаете, который убилъ...

— Флеріо!—прервалъ я его, съ трудомъ узнавая въ этой странной одеждѣ дождяго дровосѣка, котораго прошлою зимою лѣчилъ.

— Да, это я,—говорила онъ, спускаясь на землю и обхватывая волосатыми руками свои голыя колѣни. Не выдайте меня! Собаки напали на мой слѣдъ; я вышелъ изъ своей норы и убѣгалъ, когда вы въ меня прицѣлились. Я совсѣмъ изнуренъ... Вотъ сукки, какъ я не фль.

Мнѣ было его жаль. Инстинктивно я порвался въ своемъ ягдташѣ, но такъ какъ мы условились завтракать на привалѣ, то ничего не нашель, кромѣ фляжки съ ромомъ. Я подаль ее ему, и онъ отпилъ глотокъ. Это его немного подкрѣпило, и онъ мнѣ несвязно рассказывалъ кучу удивительнѣйшихъ вещей, самыхъ невѣроятныхъ. Онъ сказалъ мнѣ, что знаетъ васъ, и такъ какъ я ему обѣщалъ привезти васъ сегодня въ Комбъ-о-Фонтенъ, то бесполезно рассказывать вамъ то, что онъ самъ повторить. Самое главное теперь—снести ему поѣсть. Онъ имѣетъ довѣріе къ вамъ, и вдвоемъ мы, быть можемъ, уговоримъ его попытаться измѣнить приговоръ.

III.

Въ четыре часа пополудни, запасшись хлѣбомъ, виномъ и холоднымъ мясомъ, а также захвативъ теплое пальто, весьма не лишнее для голыхъ плечъ бродяги, мы отправились въ Комбъ-о-Фонтенъ.

Облава кончилась. Когда мы проникли въ самую чашу, докторъ испустилъ звукъ, подражавшій крику совы; это былъ условный сигналъ, и вскорѣ раздался отвѣтный крикъ, на который мы пошли ко мшистой, нависшей скалѣ,

подъ которой Флеріо ожидалъ насъ. Онъ закутался, дрожа отъ холода, въ пальто, потомъ съ животной жадностью набросился на хлѣбъ и мясо.

— Спасибо!—сказалъ онъ со вздохомъ.—Отрадно все-таки поговорить съ добрыми людьми. Вотъ полгода, какъ я живу въ норѣ, точно звѣрь. Я ни съ единой душой слова не сказалъ съ тѣхъ поръ, какъ...

Онъ остановился и спросилъ хриплымъ голосомъ:

— Что, Катерина—умерла?

— Нѣтъ,—отвѣчалъ я. Она была только ранена въ щеку и теперь выздоравливаетъ.

Флеріо глубоко вздохнулъ, и слезы заблестѣли въ его подвижныхъ глазахъ.

— Тѣмъ лучше!—продолжалъ онъ.—Видите, въ тотъ вечеръ я былъ пьянъ, и отъ водки, и отъ злости. Едва только я выстрѣлилъ, какъ самъ пожалѣлъ. Съ отчаянія я убѣжалъ въ Шарбоньерскій лѣсъ и хотѣлъ себя тоже застрѣлить, но пистолетъ у меня далъ осѣчку, а пороку у меня больше не было. Тогда меня взялъ ужасъ: я ни за что не хотѣлъ, чтобы меня схватили и привели къ тѣлу Катерины; я лучше соглашался умереть съ голоду въ лѣсу... А потомъ... потомъ, когда у меня опустѣло брюхо, я и не выдержалъ... Не такъ-то легко, какъ думаютъ извести себя голодомъ! Черезъ ночь и еще черезъ день мнѣ стало точно огнемъ жечь мозгъ. Я зналъ мѣсто, гдѣ браконьеры разставляли капканы. Была-не была! Я пошелъ туда въ сумеркахъ, вытащилъ изъ капкана полузадушеннаго зайца и изжарилъ его подъ скалой. Кремень и трупъ у меня были. Мнѣ пришло въ голову тоже разставлять капканы. Я ловилъ въ нихъ всякихъ звѣрей, которыми шпітался.

Днемъ я паялся въ щеляхъ скалы, выползалъ только ночью. Если дичь не

попадалась, я набивалъ животъ дикой морковью и грибами. Вы можете себѣ представить, какъ я былъ всегда настроенъ. Чуть слышу шумъ, сейчасъ ложусь подъ терновникъ: все боялся попасться на глаза лѣсному сторожу или жандарму. Но ночью мнѣ было всего страшнѣе. Все время представлялась Катерина. Она смотрѣла на меня своими голубыми глазами съ такимъ видомъ, точно барашекъ, котораго хотятъ зарѣзать... А на прошлой недѣлѣ я проходилъ въ чашѣ терновника и потерялъ кремень. Вотъ было для меня Божеское наказаніе! Я сталъ питаться съ тѣхъ поръ только грибами, да и ихъ къ зимѣ сдѣлалось мало, и мнѣ не хватало ихъ до сыта. А Катерина все являлась передо мной, точно привидѣніе. Я и то ужъ началъ подумывать: „не лучше ли тебѣ, голова, отдаться въ руки жандармовъ!“ Но при этомъ у меня вся кровь стыла отъ страха: меня ужасала гильотина, что я видѣлъ на площади въ Лангрѣ. Только теперь я ужъ довольно натерпѣлся. Господа, помогите мнѣ съ этимъ покончить. Я сдѣлалъ дурное дѣло, надо-же его искупить. Не правда-ли?

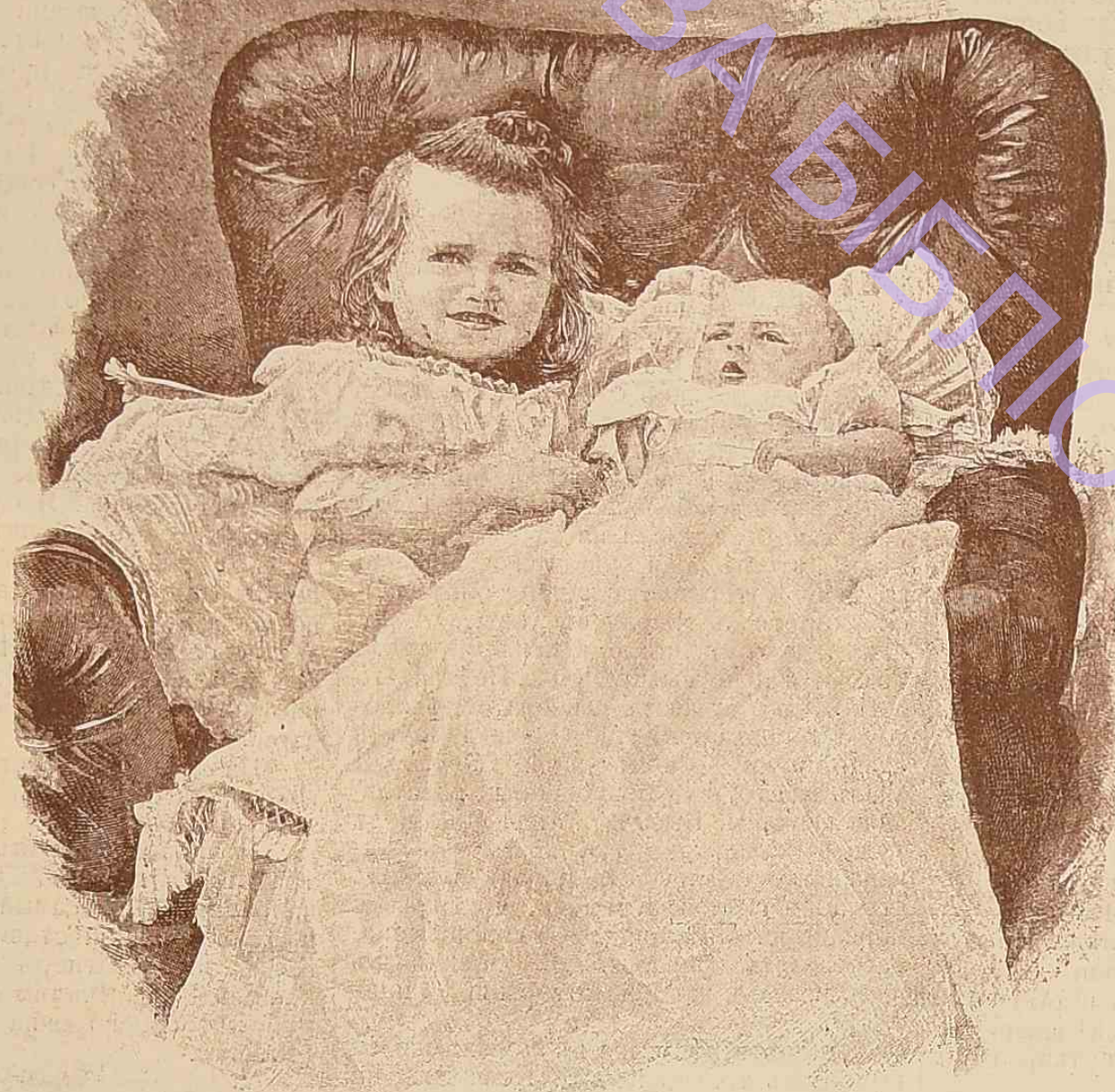
Мы старались ободрить его тѣмъ соображеніемъ, что такъ какъ Катерина жива и здорова, то правосудіе будетъ снисходительно. Въ концѣ концовъ онъ убѣдился нашими доводами; и, при наступленіи ночи, мы свели его къ жандармскому бригадиру.

На другой день его заключили въ Лангрскую тюрьму, и слѣдствіе началось съизнова.

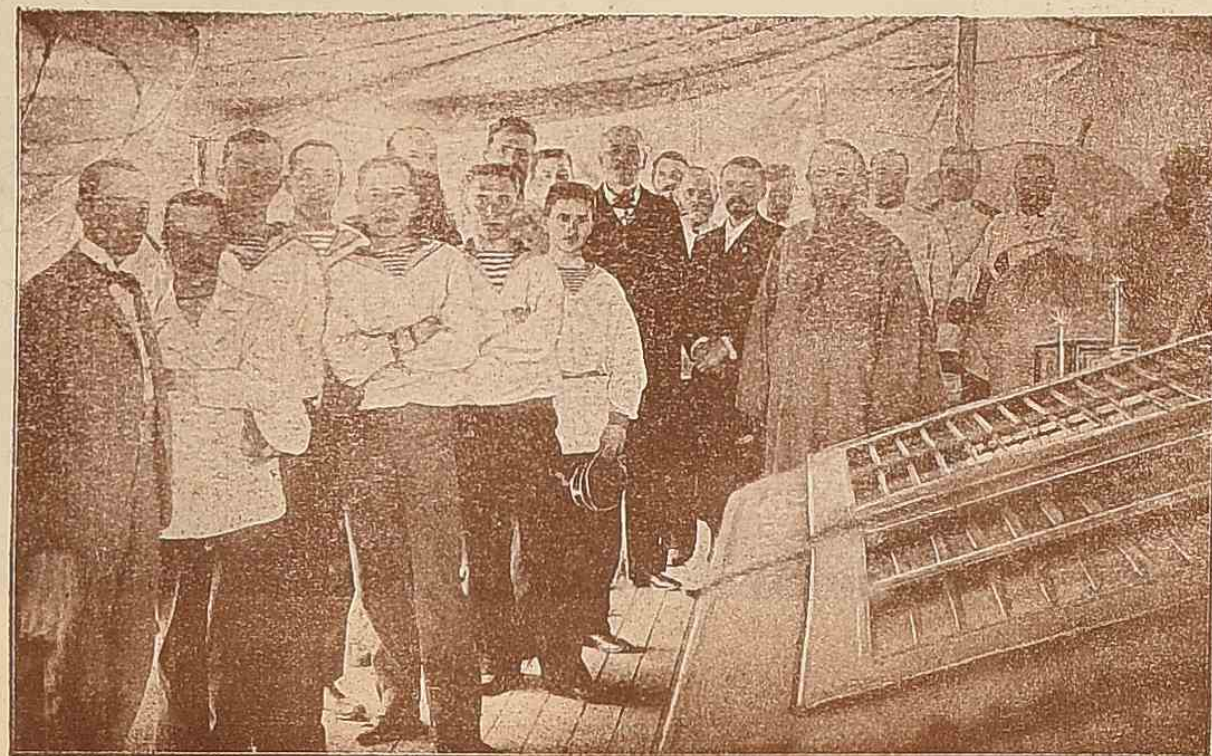
Но правосудію было суждено затратить свои издержки на это дѣло напрасно. Въ самый день, назначенный для очной ставки, когда тюремный сторожъ отперъ его камеру, онъ нашель Реми Флеріо повѣсившимся на рѣшеткѣ своего окна и уже похолодѣвшимъ.

Малый дворецъ въ Ливадіи.

ИХЪ ИМПЕРАТОРСКІЯ ВЫСОЧЕСТВА
Великія Княжны Татьяна и Ольга Николаевны.

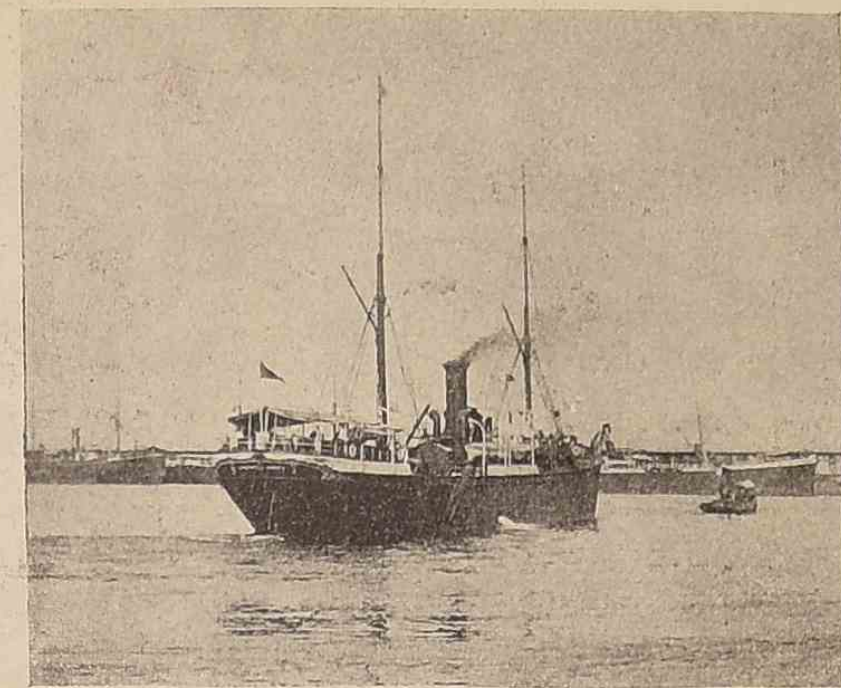
Ученики одесскихъ мореходныхъ классовъ на пароходѣ «Азовъ».

Одесса. —

вибрація передається на большія разстоянія и отчетливо воспринимается другими барабанами, устроенными такимъ же образомъ въ ближайшихъ поселеніяхъ. Такимъ способомъ индійскіе поселки переговариваются между собою. Вахъ полагаютъ, что переговоры облегчаются для нихъ самымъ свойствомъ почвы: по всемъ даннымъ, барабаны покоятся на одномъ и томъ же гранитномъ основаніи, образуемомъ приповерхностнымъ пластомъ земли. На всякой другой почвѣ, пла наносныхъ, напримеръ, геологическихъ пластовъ, вибрація замирала-бы непосредственно подъ барабаномъ. Во всякомъ случаѣ индійскій телеграфъ заслуживаетъ вниманія, и производимая имъ передача звуковъ принадлежитъ, очевидно, къ ряду тѣхъ акустическихъ явленій, съ помощью которыхъ индійцы узнаютъ о приближеніи къ нимъ всадниковъ по топоту лошадиныхъ ногъ, приналу ухомъ къ землѣ.

«Колокольчикъ» Бисмарка. — Когда Бисмаркъ, въ качествѣ посланника при союзномъ советѣ, находился во Франкфуртѣ и жилъ въ домѣ одного тамошняго патриція, то пожелалъ имѣть у себя въ комнатѣ коло-

Пароходъ «Азовъ», отправившійся съ учениками мореходныхъ классовъ въ пробное плаваніе.

кольчикъ, посредствомъ котораго могъ-бы вызывать своего слугу изъ верхняго этажа въ кабинетъ. Онъ попросилъ хозяина устроить такой звонокъ, но тотъ, какъ австрійскій, мало расположенный къ «пруссакѣ», отвѣчалъ, что его жильцы должны свои особенныя желанія исполнять на собственныя средства, и что онъ не понимаетъ, почему въ этомъ случаѣ долженъ сдѣлать исключеніе для Бисмарка. Нѣсколько дней спустя въ домѣ раздались пистолетный выстрѣлъ. Испуганный хозяинъ посѣтилъ къ кабинету Бисмарка, откуда раздались выстрѣлы, и увидѣлъ, что на столѣ лежалъ дымящійся пистолетъ, а Бисмаркъ, спокойно куря, сидѣлъ за своими бумагами.

— Ради Бога! Что случилось? — воскликнулъ перепуганный хозяинъ.

— Ничего, — возразилъ Бисмаркъ, — пожалуйста, не беспокойтесь. Я далъ только знакъ моему слугѣ прити ко мнѣ. Это совсѣмъ невинный сигналъ, къ которому мы, надѣюсь, скоро привыкнемъ.

Нечего и говорить, что въ скоромъ времени Бисмаркъ получилъ колокольчикъ.

Комитетъ по устройству выставки.
Одесса. — Выставка садоводства и плодководства.

Одесса. — Выставка садоводства и плодоводства. — Открытие выставки.

Съ фотографич. снимка г. Пааке.

Автоинія „Одес. Нов.“

Ядовитость картофеля. Профессоръ Шмидебергъ приводитъ въ одномъ изъ медицинскихъ журналовъ рядъ случаевъ отравленія отъ употребленія въ пищу очень молодого или проросшаго картофеля.

Впервые на это обстоятельство было обращено во Франціи въ 1888 году, когда въ одномъ изъ полковъ лійонскаго гарнизона заболѣло одновременно припадками 100 человекъ. Болѣзнь имѣла лихорадочно-гастрическій характеръ и продолжалась 43 дня. Слѣдствіемъ выяснено, что въ свѣжеставленный картофель, присланный подрядчикомъ, было подмѣшано много мелкихъ клубней, и всѣ ѣвшіе этотъ картофель заболѣли. Та же причина дала въ прошломъ году повальное заболѣваніе въ одномъ баталіонѣ 357 человекъ.

Основною причиною всѣхъ этихъ отравленій — ядовитый соланинъ, въ значительномъ процентѣ разнѣжающійся какъ въ очень молодомъ, такъ и въ очень старомъ картофелѣ. Поэтому профессоръ

Шмидебергъ совѣтуетъ варить картофель безъ кожуры, а не въ „мундирѣ“, такъ какъ въ послѣднемъ случаѣ все количество ядовитаго соланина остается въ картофелѣ, а въ первомъ т. е. когда картофель варится очищеннымъ, часть ядовитаго вещества переходитъ въ воду; поэтому и самый картофель становится менѣе опаснымъ.

П. Н. Богдановъ.

В. О. Степановъ.

А. А. Пасхалова.

М. И. Морская.

Артисты труппы Н. Н. Соловцова.